

18.11.75 г.
20 экз.

Речк. 2/III-75

ФИЛОСОФИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

В конце прошлого и начале нынешнего года на страницах нашего журнала были опубликованы материалы Круглого стола "Социально-философские проблемы демографии".^I Обсуждение позволило выявить целый комплекс сложных философских и методологических проблем, дальнейшее изучение и решение которых представляется крайне важным для развития советской демографической науки, для повышения теоретической оснащенности и практической эффективности демографических исследований.

Сейчас, когда заканчивается третья четверть двадцатого столетия совершенно очевидно, что по динамизму социально-экономических перемен это столетие не имеет равных во всей многовековой истории человечества. Победа Октябрьской революции и возникновение первого в мире государства рабочих и крестьян, разгром фашизма и образование мировой социалистической системы, углубляющийся кризис мирового капитализма, крушение колониальных империй и возникновение молодых независимых государств в странах Азии, Африки и Латинской Америки, наконец, бурный прогресс науки и техники — эти явления всемирно-исторического характера оказывают глубокие и многообразные воздействия буквально на все стороны жизни общества, в том числе — и на процессы воспроизводства населения. В этой связи достаточно напомнить о резком снижении ^{о беспрецедентном} детской смертности и ~~его~~ же резком увеличении в большинстве стран мира средней продолжительности жизни, о небывалых доселе темпах прироста населения на нашей планете и о том,

I/См. "Вопросы философии", 1974, №9, №11, 1975, №1.

ства населения. Достаточно указать хотя бы на невиданные доселе темпы роста населения нашей планеты и на то, что общая его численность, которая еще в начале века составляла 1,6 миллиарда человек, сейчас превысила 4 миллиарда.

Колоссальные сдвиги в динамике населения отражают глубокие качественные трансформации демографического процесса. Резко изменяется структура причин смерти людей, что ведет к огромному сокращению преждевременной смертности и беспрецедентному увеличению средней продолжительности жизни. На уровне отдельной семьи осуществ-

ляется переход от демографического поведения, диктуемого экономической необходимостью, традицией, религиозными и т.п. императивами не подлежащими обсуждению, а следовательно, отчужденными от индивидуального сознания и не подвластными ему, к сознательному демографическому поведению, связанному с планированием числа детей и с возможностью выбора оптимального в социальном и биологическом отношении возраста деторождения. В целом ряде стран мира предпринимаются попытки проведения направленной демографической политики, причем в таких масштабах, которых не знала мировая история. Все это ставит

и перед обществом и перед индивидом принципиально новые проблемы, заставляет искать новые решения.

Сложность и актуальность современных проблем народонаселения, острота идейной борьбы, разгорающейся сегодня вокруг них, задачи управления демографическими процессами - все это требует качественного скачка в развитии советской демографической науки. Практика - и это отчетливо показала проведенная журналом дискуссия - ставит перед демографической наукой широкий круг вопросов, связанных с необходимостью прогнозирования численности населения, его возрастной структуры и территориального распределения, а также с возможностью управления демографическими процессами. Но, как и в любой сфере человеческой деятельности, прогнозирование, а тем более целенаправленное воздействие на те или иные явления возможно только на основе научного объяснения этих явлений. Следовательно, решение практических задач

в области демографии требует соответствующего теоретического задела, который в значительной степени еще предстоит создать.

а) Знач Как свидетельствуют материалы Круглого стола, в теоретической разработке целого ряда современных проблем народонаселения де-

лаются лишь первые шаги. Демография сегодня уже не может ограничиваться простой констатацией фактов, от нее требуются научно-основанные ~~предположения~~ концепции и рекомендации, которые позволяли бы осуществлять целенаправленную демографическую политику в рамках всей страны. Появление новых практических, а, значит, и теоретических задач всегда связано с обострением интереса к методологии исследования.

(Недостаточное внимание к теоретико-методологическим вопросам, увлечение эмпирическими фактами и методами, дающими в лучшем случае лишь изолированный фрагмент действительности, ведет подчас к неоправданной драматизации существующего положения дел, или же напротив, к различного рода утопическим, оторванным от реальности представлениям, к скороспелым выводам и недостаточно продуманным практическим рекомендациям. *Не случайно* (Некоторые участники нашего круглого стола справедливо отмечали, что обсуждение подчас принимало излишне конкретизированный, заземленный характер, что некоторые важные философско-методологические проблемы демографии оказывались вне поля зрения выступавших. Как внутренние закономерности развития демографической науки, так и запросы к ней со стороны практики приводят к необходимости повышения уровня теоретической оснащенности демографических исследований. *И здесь демо-* графия в праве рассчитывать на помощь со стороны философов. Философия диалектического и исторического материализма предоставляет богатейшие возможности для глубокого и всестороннего осмысления и познания всех явлений современной общественной жизни, и в том числе изменений в демографической сфере. Между тем эти возможности пока еще используются далеко не в полной мере, хотя теоретическая и практическая актуальность демографической проб-

ляли бы осуществлять целенаправленную демографическую политику в рамках всей страны. Появление новых практических, а, значит, и теоретических задач всегда связано с обострением интереса к методологии исследования.

(Недостаточное внимание к теоретико-методологическим вопросам, увлечение эмпирическими фактами и методами, дающими в лучшем случае лишь изолированный фрагмент действительности, ведет подчас к неоправданной драматизации существующего положения дел, или же напротив, к различного рода утопическим, оторванным от реальности представлениям, к скороспелым выводам и недостаточно продуманным практическим рекомендациям. ^{не случайно} Некоторые участники нашего круглого стола справедливо отмечали, что обсуждение подчас принимало излишне конкретизированный, заземленный характер, что некоторые важные философско-методологические проблемы демографии оказывались вне поля зрения выступавших. Как внутренние закономерности развития демографической науки, так и запросы к ней со стороны практики приводят к необходимости повышения уровня теоретической оснащенности демографических исследований. ^{И здесь демо-}графы в праве рассчитывать на помощь со стороны философов. Философия диалектического и исторического материализма предоставляет богатейшие возможности для глубокого и всестороннего осмысления и познания всех явлений современной общественной жизни, и в том числе изменений в демографической сфере. Между тем эти возможности пока еще используются далеко не в полной мере, хотя теоретическая и практическая актуальность демографической проблематики сегодня ни у кого не вызывает сомнения.

Философский анализ демографических процессов и явлений предполагает их рассмотрение в контексте коренных мировоззренческих проблем отношения человека к действительности, его места в обществе, выявление объективных закономерностей социального и культурного развития человечества, анализ природы социальных целостностей и идеалов. Именно поэтому обсуждение демографических проблем и возможных путей их решения имеет отчетливо выраженное идеологическое звучание. И не случайно, что проблемы народо-

населения становятся в современном мире одним из важнейших участков идейной борьбы. ~~Совершенно очевидно, что~~ Позитивная разработка демографических проблем непосредственно зависит от философско-методологической вооруженности исследователя, от ~~непосредственно~~ ^{умения} осмыслить ~~место~~ ^{и роль} демографического фактора в системе социальных детерминант, ^{от понимания} исторических форм демографического процесса,

~~диалектического единства биологического и социального при определяющей роли последнего~~ а также от анализа ряда других вопросов, научное объяснение которым можно дать лишь с позиции диалектического и исторического материализма.

Специфика философского подхода к изучению демографических проблем заключается в том, что они рассматриваются в широкой историко-культурной перспективе, посредством присущего философии категориального аппарата, в котором аккумулируются богатый исторический опыт познавательной деятельности человечества. Поэтому именно философский анализ позволяет уточнить место демографии в системе наук, выявить исторические типы воспроизводства населения и закономерности их смены, показать влияние изменений в народонаселении на общественный прогресс. ^{С другой стороны} ~~Вместе с тем~~ такой анализ способствует обогащению философского знания, позволяет насытить категории исторического материализма более глубоким содержанием, ^{Верь} поскольку развитие марксистской философии всегда происходило и происходит в тесном и плодотворном контакте с прогрессом конкретных наук, изучающих природу и общество. Сегодня, когда научное знание раскрывает все более глубоко закономерности окружающего мира, когда быстро возрастает практическая мощь науки, ленинская идея о союзе философов и марксистов представителей конкретных наук приобретает особую актуальность, наполняется новым содержанием. Этот союз становится особенно прочным, когда философ в состоянии почувствовать, осознать философское содержание проблем, обсуждаемых в той или иной конкретной науке, даже если эти проблемы еще не сформулированы в привычных специфически философских терми-

Забвату

Процесс теоретизации в демографической науке протекает весьма своеобразно. Нередко об уровне теоретизации той или иной научной дисциплины судят в зависимости от того, насколько широко в ней применяются количественные методы. В современной демографии ситуация иная — наиболее остро ощущается потребность в качественном осмыслении закономерностей демографических процессов. Дело в том, что количественные характеристики, отражающие те или иные стороны демографических явлений, всегда представляют собой суммарные, интегральные показатели, выступают в качестве "выходных параметров", в которых слито действие множества факторов самой различной природы — ~~социальных, биологических, экономиче-ских и культурных, этнических, этнических, социально-пси-хологических и т.д.~~ ^{экономических,} ~~социальных, биологических, экономиче-ских и культурных, этнических, этнических, социально-пси-хологических и т.д.~~ Очевидно, теоретическое исследование демографических процессов должно выявить их "анатомию", вскрыть характер взаимосвязей между отдельными составляющими. Задача осложняется тем, что в процессе исторического развития, на разных его стадиях, относительная значимость различных составляющих может изменяться — в этих случаях происходят качественные сдвиги, которые, между прочим, не всегда находят отражение в количественных показателях. Так, например, сейчас в нашей стране прирост населения примерно такой же, каким он был в предреволюционное время в царской России. Однако за этим количественным совпадением кроются глубокие различия в характере протекания демографических процессов. Если до революции в демографическом отношении Россия представляла типичный пример слаборазвитой страны /высокая рождаемость и высокая смертность/, то ныне в масштабах всей страны в целом наблюдается такая демографическая ситуация, которая характерна для стран с высшим уровнем экономического социального и культурного развития. Это свидетельствует о том, что едва ли правомерно рассматривать количественные различия в темпах прироста населения как прямое следствие коренных социально-экономических различий между странами с противоположным общественным строем.

Важную философскую проблему представляет собой разработка содержания самого понятия "демографический фактор общественного развития", выявление его внутренней структуры, механизма действия, места в системе других категорий исторического материализма. Анализ этого понятия самым непосредственным образом связан с наиболее фундаментальными проблемами общественнознания.

Становление научной концепции народонаселения, как известно, проходило в острой борьбе ^{между} марксистской и буржуазной социологией прежде всего по проблеме причинности, та или иная интерпретация которой выступает общеметодологическим принципом анализа роли демографического фактора. Идеалистическое понимание структуры общественной жизни, содержания основных ее категорий, и закономерностей развития не позволило буржуазным исследователям научно объяснить действительную роль демографического фактора в системе социальных детерминант. Причины таких сложных общественных явлений как войны, социальные конфликты, изменения социально-политических структур и т.д. некоторые буржуазные ученые конца 19 - начала 20 веков видели прежде всего в динамике численности населения, степени его концентрации, интенсивности социальных взаимодействий. Так, согласно Э. Дюркгейму, увеличение объема и плотности социальных групп обуславливает разделение общественного труда, которое в свою очередь изменяет социальную структуру. Таким образом по Дюркгейму происходит переход от закрытых гомогенных обществ, поглощающих индивида, к обществам открытым, индивидуалистическим, с разнообразными социальными взаимозависимостями.

Несмотря на свою очевидную методологическую порочность, концепция однозначного демографического детерминизма не утратила своей позиции и в современной буржуазной общественной науке. Наро-

донаселение по-прежнему рассматривается некоторыми буржуазными исследователями как совершенно самостоятельная реальность, создающая основу для действия других социальных факторов и по-существу определяющая направление развития общества. М.Хальбвакс, например, полагает, что динамика народонаселения лежит в основании политических систем, играет решающую роль в эволюции правовых норм. Война представляется ему как "проблема перенаселенных масс, борющихся за завоевание жизненного пространства"

Неверное объяснение роли демографического фактора в общественном развитии дают и преобладающие в современной буржуазной социологии "теории множественности факторов", отрицающие значение способа производства материальных благ, эклектически соединяющие главные и второстепенные стороны социального прогресса. Метафизическое мышление, как можно лишний раз убедиться, оказывается не в состоянии отразить диалектический характер взаимосвязи различных сфер общественной жизни, выделить то, что определяет закономерности социального развития. Особенно рельефно ограниченность буржуазной методологии в оценке демографических сдвигов проявляется тогда, когда речь идет о глобальных проблемах современности, перспективах исторического развития человечества, судьбах цивилизации. Известный австрийский ученый - этолог К.Лоренц в одной из своих последних работ развивает мысль о том, что первый и наиболее существенный смертный грех современной цивилизации - это перенаселение. Органическая жизнь, говорит он, как бы вклинилась в порядок рассеянной в мире энергии, "пожирает" ее и растет, катастрофически подрывая энергетические ресурсы Земли. С другой стороны, считает Лоренц, современный индустриальный город, с его перенаселенностью и скученностью является средоточием преступно-

Подобные "решения", низводящие всю сложность как социально-экономических, так и демографических проблем до уровня мещанского миропонимания, выполняют две идеологические функции. С одной стороны, именно вследствие своей поверхности они представляются столь убедительными, простыми и естественными обывательному сознанию. С другой стороны, за ними кроется стремление снять с колониализма историческую ответственность за вековую социально-экономическую отсталость стран "третьего мира", представить единственной причиной стоящих перед ними трудностей лишь высокие темпы роста населения и предложить им вместо широких программ прогрессивных преобразований сосредоточиться на мероприятиях по контролю над рождаемостью. Главный, хотя и не единственный, недостаток таких "рецептов" состоит в том, что они не являются решением проблемы, поскольку игнорируют многообразие действительных взаимозависимостей и взаимосвязей общественного организма, сложный характер детерминации демографических процессов. И не случайно на Международном конгрессе по народонаселению, состоявшемся в августе 1974 года в Бухаресте эти примитивные в научном отношении проекты были подвергнуты столь резкой критике со стороны представителей развивающихся стран — то есть тех стран, которым они в первую очередь адресованы.

С точки зрения марксистско-ленинской теории общественного развития демографические явления представляются хотя и важной, но отнюдь не определяющей и не самодвелеющей стороной исторического процесса. А это значит, что и регулирование численности народонаселения, в той мере, в какой оно необходимо, может осуществляться лишь в русле глубоких социально-экономических преобразований,

изменяющих материальный базис общественной жизни общества и, на этой основе, общественное сознание. Если же демографические программы абстрагируются от всей совокупности условий жизни, они неминуемо обречены на неудачу. Сами возможности демографического регулирования, как показывает практика, в значительной степени определяются уровнем социально-экономического и культурного развития общества.

На это указывал еще Ф.Энгельс — "если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет урегулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то только оно именно и сможет выполнить это без затруднений".¹⁾ Разработанная классиками марксизма-ленинизма теории общественного развития заложила основы подлинно научной методологии анализа внутренней структуры народонаселения и механизма действия демографического фактора, "выступающего как природная предпосылка исторического прогресса, как одна из его действующих сил и, вместе с тем, как один из результатов общественного развития.

К.Маркс установил, что "...всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные имеющие исторический характер законы населения"²⁾. Рассматривая эволюцию форм собственности, К.Маркс и Ф.Энгельс в "Немецкой идеологии" показали, что различные ступени в разделении труда, которые рассматриваются ими как различные формы собственности (т.к. "каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда"), предполагает рост народонаселения и рост потребления"³⁾:

1) К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.27, стр.108, 1935 г.

2) К.Маркс. "Капитал", т.1, стр.637, 1955 г.

3) К.Маркс и Ф.Энгельс

Будучи материальными и общественными, демографические отношения существуют рядом с экономическими и оказывают самостоятельное влияние на исторический процесс. Разумеется, эта самостоятельность — относительная, демографическое и экономическое тесно переплетаются между собой, при этом экономические изменения играют в истории особую роль, ибо они обуславливают смену социально-экономических формаций, что, в свою очередь, может иметь глубокие демографические последствия. Однако связь между изменениями в экономической структуре общества и в воспроизводстве населения может не быть столь же обязательной, как связь между изменениями бытуса и надстройки при смене социально-экономических формаций. Поэтому-то и необходимо глубокое изучение тех опосредующих звеньев, которые связывают демографическое и социально-экономическое развитие и позволяют единство и взаимообусловленность этих двух сторон исторического процесса.

В начале века определенной популярностью пользовалась работа К. Каутского "Размножение и развитие в природе и обществе", в которой, в частности, утверждалось, что характер процесса размножения людей "несколько не изменился на протяжении всей эволюции общественной жизни"¹⁾. Сейчас ни у кого не вызывает сомнения несостоятельность этого тезиса. Существование исторической специфики процесса размножения людей, или воспроизводства населения, засвидетельствована многочисленными историческими и этнографическими исследованиями, да и вся демографическая картина современного мира неопровержимо говорит о теснейшей связи качественных и количественных демографических характеристик с тем этапом исторического развития, на котором находится то или иное население. На нынешнем этапе развития знаний

1) К. Каутский. Размножение и развитие в природе и обществе, гл. 12.

о воспроизводстве населения и его связи с другими социальными процессами простого признания исторических изменений в этом процессе недостаточно. Возникает проблема типологии исторических форм воспроизводства населения, выявления его основных исторических типов и исследования средств демографического регулирования и контроля, свойственных каждому из них.

При этом существенного внимания заслуживает изучение соотношения исторической эволюции воспроизводства населения со всеми остальными сторонами исторического процесса. Нет сомнения, что демографические изменения в истории теснейшим образом связаны с социально-экономическими, но едва ли их можно рассматривать как простое отражение изменений в социально-экономической сфере, как их обязательное автоматическое следствие. Известно немало попыток вульгарного якобы-марксистского толкования места, занимаемого воспроизводством населения в историческом процессе. Достаточно вспомнить нападки того же К.Каутского на формулу Энгельса, согласно которой производство средств к жизни и производство самого человека — две стороны производства непосредственной жизни, определяющих все исторического развитие,²⁾ и полемику В.И.Ленина против Н.Михайловского по поводу этой же формулы³⁾. И.К.Каутский и Н.Михайловский узко трактуя исторический материализм в духе "экономического материализма", приписывали марксизму прямое выведение всех явлений общественной жизни, в том числе и отно-

2) К.Каутский. Размножение и развитие в природе и обществе, гл.12. Там же. К.Каутский утверждал, что это было случайное выражение Ф.Энгельса, (в Предисловии в "Происхождении семьи..."), которое он нигде больше не повторял. В действительности речь идет о положении, которое было сформулировано К.Марксом и Ф.Энгельсом задолго до этого в "Немецкой идеологии" (см.К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.3, стр.27-28.

3) В.И.Ленин. Соч, 4 изд. т., I, стр.133-134.

шений, связанных с размножением людей, из экономических отношений. В действительности же марксизм исходит из известной самостоятельности демографических отношений, из их материального характера ("...уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?" - иронизировал В.И. Ленин)¹⁾.

Признание относительной самостоятельности воспроизводства населения по отношению к воспроизводству экономической и социальной структуры общества не означает, однако, исключения демографических процессов из сферы общественного и противораставления их социально-экономическим процессам как биологического социальному, с чем, к сожалению, и сейчас еще нередко приходится сталкиваться. Неубедительно, например, звучат ссылки на естественный инстинкт продолжения рода как на некую биологическую константу, которая лежит в основе демографического процесса. Никто, разумеется, не отрицает значения биологического ^{эле} многих областей человеческой жизни, однако биологическое присутствует в "снятом" виде, закономерности его проявления имеют общественную природу. Демографическое поведение людей на любом этапе человеческой истории детерминировано не биологическими инстинктами (а существование "инстинкта продолжения рода" и у животных более, чем сомнительно), а социально-культурными нормами, отражающими общественную потребность в непрерывности демографического процесса.

Значение исследований культурных факторов заключается в том, что они позволяют избежать слишком прямолинейного выведения особенностей демографического поведения людей из экономической специфики того или иного этапа исторического развития, их характера труда, собственности и т.п. Социально-культурные нормы отражают более

1) Там же.

широкий спектр отношений, нежели чисто экономические и производственные от них, они интегрируют в себе тысячелетний опыт народа, особенности его исторической судьбы, его существования в определенной природной среде, отражают и ту относительную самостоятельность процесса продолжения рода, о которой говорилось выше. Социокультурный анализ позволяет лучше понять характер исторических изменений в процессе воспроизводства населения и принципиальную новизну той демографической ситуации, которая существует в наше время. Поэтому особое внимание должно быть уделено социокультурному анализу воспроизводства населения в его историческом развитии, ибо, как отмечалось на Круглом столе, именно культура служит интегративным фактором демографического поведения, отражающим конкретно-исторические формы производства и потребления, социального устройства, бытовых традиций и т.п..

Важное место в работе Круглого стола заняло обсуждение вопроса о желательном направлении демографического развития СССР, причем этот вопрос обсуждался, в первую очередь, под углом зрения интересов народного хозяйства нашей страны. Разумеется, экономический критерий — отнюдь не единственный, с позиций которого можно и нужно оценивать тенденции воспроизводства населения. Нет такой области человеческой жизни, которая не затрагивалась бы происходящими на наших глазах стремительными демографическими переменами — идет ли речь о здоровье людей или об их воспитании, о положении женщины или о проблемах окружающей среды, о правовых или этических аспектах поведения людей. Эти вопросы также обсуждались участниками Круглого стола. Но благоприятное разрешение всех возникающих здесь проблем во многом зависит от того, насколько успешно будет развиваться наша экономика. Отсюда — особый интерес к экономическим последствиям новейших демографических тенденций.

Численность и возрастная структура населения оказывают на экономику двустороннее воздействие, отражающее двойную экономическую природу человека как производителя и потребителя. При этом следует иметь в виду, что сейчас, как никогда прежде, выполнение этих двух ролей опосредовано культурно-экономическими факторами, которые выдвигают на первый план не количественные, а качественные характеристики населения. Как производитель человек выступает не сам по себе, а во всеоружии современных знаний и современной техники. Экономическая мощь государства ныне пропорциональна не просто числу людей, а числу людей, надлежащим образом экономически вооруженных. Следовательно, с экономической точки зрения, целесообразен не любой рост населения, а лишь такой, который позволяет обеспечить наилучшее сочетание в производстве живого и общественного труда. Если рост населения будет слишком быстрым, то экономических возможностей общества в каждый данный момент может оказаться недостаточно для обеспечения всех новых работников новейшими, наиболее совершенными средствами производства, и это может затормозить рост производительности труда. Если же рост населения будет слишком медленным, то, при сложившихся масштабах производства, даже самая совершенная техника может оказаться неэффективной без необходимого притока людей, способных с ней работать, что также поведет к замедлению роста производительности труда.

Примерно так же обстоит дело и с потреблением: Давно прошли те времена, когда некоторые экономисты и демографы пытались оценивать рост населения с точки зрения его обеспеченности минимумом средств существования. Непрерывный рост уровня жизни предполагает постоянное расширение и потребностей, и потребления человека, что, помимо всего прочего, связано и с меняющейся

ролью человека в производстве. Новые потребности, новый стиль жизни вытекают не только из сознательной ориентации социалистического общества на всестороннее и свободное развитие человеческой личности, но и из тех требований, которые предъявляет к производителю его рабочее место, будь то цех современного завода или лаборатории НИИ, кабина электровоза или космического корабля. Стало быть, и совокупное потребление общества растет не пропорционально только увеличению числа людей, а отражает также быстрый рост душевного потребления. Поскольку фонд потребления общества в каждый данный момент не безграничен и поскольку, как говорилось выше, быстрый рост населения не обязательно тождествен самому быстрому росту производительности труда, то и рост душевного потребления может затормозиться, если численность населения будет увеличиваться слишком высокими темпами.

Демографические тенденции, таким образом, далеко не безразличны с точки зрения нашего народнохозяйственного развития, причем зависимости здесь оказываются не такими простыми, как казалось в недалеком прошлом, когда некоторые экономисты считали, что чем быстрее растет население, тем больше будет у нас трудовых ресурсов и потому тем лучше для экономики. Было бы, однако, неверным впадать и в другую

крайность и призывать к полному прекращению роста населения и стабилизации его численности. Оптимальное функционирование социалистического народного хозяйства предполагает оптимизацию всех влияющих на него процессов, в том числе и демографических, но для того, чтобы считать оптимальным "нулевой прирост" населения сейчас нет никаких оснований. Помимо того, что "нулевой прирост" сам по себе может оказаться недостаточным для обеспечения необходимых темпов роста производства, немалое значение имеет сильное "постарение" населения, которое неизбежно сопутствует прекращению его роста. Обо всем этом говорилось на нашем Круглом столе, но само различие высказанных здесь точек зрения свидетельствует о том, что поиски характеристик демографического развития, оптимальных хотя бы с позиций только экономических критериев /а, как упоминалось, это не единственные возможные критерии/ только начинаются. Этому важному направлению исследований следовало бы уделить гораздо больше внимания, ибо оно дает ключ к научной оценке наблюдающихся и ожидаемых демографических тенденций. А ведь с такой оценки должна начинаться любая работа, связанная с проведением активной демографической политики, с управлением демографическими процессами.

Один из самых важных и, в то же время, самых сложных вопросов современной демографической проблематики - вопрос о механизмах, контролирующим поведение людей в области рождаемости. К числу наиболее распространенных трактовок принципа действия этого механизма принадлежит та, которая связывает уровень рождаемости с прямой заинтересованностью семьи в том или ином числе детей. В прошлом, во времена преобладания аграрной экономики, ручного труда, отсутствия социального обеспечения стариков и т.п. /так же, как и сейчас в "третьем мире"/ иметь много де-

ке
сего

тей было выгодно, сейчас эта выгода, бывшая главным социальным стимулом к деторождению, отпала. В результате рождаемость снижается, и возникает угроза чуть ли не полного вымирания /если, конечно, не уповать на "инстинкт продолжения рода"/. Такова, в общих чертах, упомянутая трактовка. Из нее делается, в частности, вывод, что необходимо создать какие-то искусственные заменители отпавших стимулов, восстановить утраченную заинтересованность родителей в детях.

С точки зрения историко-материалистического подхода такая трактовка не просто слишком прямолинейна /продолжение рода оказывается чем-то второстепенным, производным от экономических отношений/. Она грешит неоправданной модернизацией положения индивидуума и его взаимоотношений с обществом в прошлом, ему приписываются избирательность и рациональность поведения, свойственные современному человеку.

слишком категорично

Однако характер социально-культурных норм и механизм их реализации, механизм доведения общественной потребности до сознания индивидуума в различные исторические эпохи различен. В прошлом, во всех аграрных обществах вопрос о рациональной мотивации поведения индивидуума в любой области, в том числе и демографической, как правило не мог даже возникнуть. Эти общества были основаны на непрерывном воспроизведении заранее данных отношений индивидуума и коллектива, так что поведение индивидуума в основных чертах было объективно predetermined, субъективный момент, индивидуальные решения играли ничтожную роль. И массовое демографическое поведение следовало определенному канону, смысл которого не осознавался - и, конечно, не ставился под сомнение - индивидуумом.

Лишь с появлением буржуазного общества "различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности

просто как средство для ее частных целей" / и лишь с этого момента можно говорить о рациональной мотивации демографического поведения. Происходит смена механизма демографического регулирования, индивид получает известную свободу выбора в своем демографическом поведении, а само это поведение становится осознанным. Это вовсе не значит, что оно выходит из-под социального контроля, становится неуправляемым. Но если управление старого типа заставляло семью, индивиду идти по единственно возможному пути, то управление нового типа осуществляется при наличии некоторого выбора, оно ориентируется на движение по наиболее целесообразному из многих возможных путей.

Таким образом, с одной стороны, возможности управления демографическим процессом расширяются, с другой же стороны, механизм этого управления становится намного сложнее, чем прежде. Согласование демографического поведения семьи с демографическими интересами общества происходит не непосредственно, а в ходе непрерывного взаимодействия огромного количества экономических, социальных, культурных, политических и т.п. факторов. Результат этого взаимодействия и образует те конкретные условия, в которых семья делает свой демографический выбор. Если указанное взаимодействие представляет собой стихийную игру экономических и социальных сил, то его результат очень трудно предвидеть и уж подавно на него нельзя повлиять в желаемом направлении. Если же, как в социалистическом обществе, факторы общественного развития поставлены под сознательный контроль, то, в принципе, можно предвидеть и результаты их взаимодействия, и вытекающие из него демографические последствия, можно и воздействовать на

них. Однако для того, чтобы эта принципиальная возможность стала реальностью, нужно очень хорошо знать закономерности, определяющие поведение демографических переменных в зависимости от изменений в экономической и социальной сфере, и учитывать их на самых ранних стадиях социально-экономического планирования. В противном случае даже при плановом социалистическом хозяйстве демографическое развитие может оказаться стихийным и непредсказуемым. Поэтому изучение демографического поведения индивида приобретает настоятельную необходимость.

Говоря об изменениях демографического поведения, происходящих под воздействием социально-экономического и культурного прогресса, следует иметь в виду два взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, как уже отмечалось у индивида в современных условиях нет необходимости и даже возможности слепо подчиняться однозначным, санкционированным неким-либо непререкаемым авторитетом демографическим установкам — рождение ребенка выступает в определенной степени как следствие волеизъявления индивида, осуществляемого им рационального, осознанного выбора. /Конечно, в данном случае рациональность никоим образом не следует сводить к узкоэгоистической расчетливости, к холодному взвешиванию всех "за" и "против". Во-вторых, бурное развитие комплекса наук, изучающих биологию человека, — в первую очередь физиологии, эмбриологии, генетики человека, — открывает возможности для того, чтобы сделать это решение более обоснованным в определенных пределах предвидеть и далее контролировать нежелательные и неблагоприятные как для родителей, так и для будущего ребенка последствия, перед которыми прежде человек был бессилён.

Таким образом, если раньше демографическое поведение индивида почти полностью контролировалось действием безраздельно

господствующих над ним, одинаково чуждых ему сил природы и общества, то ныне производство новой жизни должно рассматриваться как сложное отношение, в котором человек участвует не только в качестве физиологического агента, но и в качестве личности, сознательно принимающей на себя определенные обязательства и перед будущей жизнью, и перед обществом; иными словами, не только физически, но и духовно и нравственно. На этой основе возникает и новое, более всестороннее, более богатое, более глубокое отношение к будущей жизни как к особой самостоятельной ценности. Естественно, при этом возрастает и чувство ответственности индивида, принимающего решение, следствием которого будет появление нового человека.

Постольку, поскольку производство новой жизни наряду с физическими потенциалами начинает требовать от индивида и духовных, и нравственных, и интеллектуальных проявлений, поскольку оно, следовательно, становится действием, целостной человеческой личности, все больше становится и действием общественного индивида. Таким образом, и в этой, одной из самых интимнейших сфер своего существования человек действует как средство общественное. И в той мере, в какой это отношение все более становится общественным опосредуются сознанием индивида, сами социальные силы перестают выступать в качестве запредельных, неподвластных воле и разуму индивида, иррациональных сил. Это не значит, конечно, что автоматически достигается полное совпадение интересов общества и интересов индивида в демографической сфере. Речь идет лишь о тенденции современных демографических изменений, причем о тенденции, действующей на фоне целого комплекса других противоречивых тенденций, которые могут

оказывать и негативные воздействия на различные стороны жизнедеятельности общества. Но то, что интерес индивида становится интересом общественного индивида, создает предпосылки для того, чтобы "условия самого общественного жизненного процесса" были "подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним".

В то же время бурный рост научных знаний, характерный для эпохи научно-технической революции, открывает невиданные ранее возможности в сфере контроля биологических процессов, связанных с производством новой жизни. Уже сейчас на научной основе может решаться вопрос об оптимальном возрасте деторождения; генетическая проверка позволяет выявить носителей рецессивных генов некоторых наследственных болезней /фенилкетонурия, серповидноклеточная анемия и т.п. / и с определенной долей вероятности предсказать возможность проявления этих болезней у потомства и т.д., и даже ближайшие перспективы развития биологических наук сулят появление таких возможностей, о которых еще вчера нельзя было и мечтать. Однако достижения науки и, особенно их практическое применение, со всей очевидностью демонстрируют, что и в этой сфере взаимодействие, взаимосвязь социального и биологического не носит одновременного характера. Чем глубже человек познает тайны жизни, тем более он ощущает свою сопричастность живому, свою тесную связь с природой и то, что вмешательство в одно звено механизма жизни может оказать воздействие на всю цепь происходящих в организме процессов. Таким образом, речь может и должна идти не о безраздельном господстве человека над познанными

ми им силами природы, а о том, что человек получает новые возможности для того, чтобы соотносить свое демографическое поведение с закономерностями естественных процессов.

Появление новых знаний в любой сфере, а тем более — в такой, которая тесно связана с воспроизводством жизни, всегда остро ставит социальные и этические проблемы, связанные с использованием этих знаний. Научные, и в частности биологические, знания становятся сегодня внушительной силой, характер и последствия применения которой в решающей степени определяется природой социального строя. Известно, с какими деформациями связано использование достижений научно-технического прогресса в капиталистическом обществе. Едва ли, однако, в какой-либо другой сфере эти деформации ощущаются так остро, как в сфере охраны здоровья человека и его потомства. Это связано не в последнюю очередь с тем, что в ситуации, в которую поставлен человек в современном буржуазном обществе, его собственный выбор зачастую оказывается предопределенным силами, искусственно стимулирующими его потребности, и фактически навязывающими ему ту или иную линию поведения. Выбор, таким образом, на деле оказывается иллюзорным, мнимым разрешением стоящей перед ним проблемы. С другой стороны, сам человек оказывается внутренне неподготовленным. Нравственно обезоружен в ситуации, когда быстро развивающееся научное знание открывает перед ним альтернативные способы поведения. Поэтому даже в самых интимных сферах своего существования он не в состоянии действовать в соответствии со своими собственными внутренними устремлениями, которые далеко не всегда совпадают с навязываемыми ему извне стереотипами.

Сиюминутные потребности — а главным образом те, кто их на-

9

меренно формирует — во многом предопределяет и характер использования научных знаний в буржуазном обществе. Так, например, бурная активность движения за нулевой прирост населения в США стимулировала широкое использование женщинами противозачаточных пилюль, которые стали продуктом массового производства и массового потребления еще до того, как были выяснены возможные биологические последствия их применения. И даже после обнаружения отрицательных эффектов применения этих средств, производящие их фирмы воспрепятствовали тому, чтобы информация об этом получила широкую огласку. Как общество в целом, так и отдельный индивид оказываются неподготовленными к рациональному использованию новых научных открытий, в результате чего осуществление демографических мероприятий проводится в ущерб здоровью человека, а практическое применение достижений науки и техники выступает как фактор, подрывающий духовные и нравственные основы общественной жизни. Решать демографические проблемы в отрыве от всего отражающего их контекста социально-экономических и культурных проблем, а тем более искать в одном лишь демографическом регулировании путь для разрешения социальных противоречий, таким образом, открывают простор и для проявления антигуманистических тенденций. Совершенно очевидно, что и характер использования научного знания, практического применения достижений научно-технического прогресса и возможность проведения разумной и гуманной демографической политики в масштабах всего общества зависят от того, насколько общество в состоянии целенаправленно, последовательно и планомерно регулировать всю совокупность

социальных отношений. Именно наличие или отсутствие этих возможностей и определяют качественные отличия в целях и способах проведения демографической политики у обществ с противоположным социальным строем.

Таким образом выбор и осуществление той или иной демографической политики выходит далеко за рамки отдельных мероприятий по регулированию рождаемости. В конечном итоге направление этой политики оказывается тесно связанным с проблемами научного управления общественным развитием, с проблемами гуманного использования достижений научно-технической революции, с проблемами идеологии и мировоззрения, с проблемами, затрагивающими глубинные духовно-нравственные основания человеческой личности.